

Летающий
АРХИЕРЕЙ

Ираида Легкая
Летающий архиерей

«ПОСЕВ»

2014

УДК 94(47+57)(093.3)
ББК 63.3(2)бю14

Легкая И. И.

Летающий архиерей / И. И. Легкая — «ПОСЕВ», 2014

ISBN 978-5-85824-210-5

Описание жизни епископа Русской Православной Церкви Заграницей Иоанна Легкого (1907–1995), его семьи и близкого ему духовенства. Сокращенная версия текста была опубликована в «Новом Журнале» (Нью-Йорк), № 264 и 271.

УДК 94(47+57)(093.3)

ББК 63.3(2)бю14

ISBN 978-5-85824-210-5

© Легкая И. И., 2014

© ПОСЕВ, 2014

Содержание

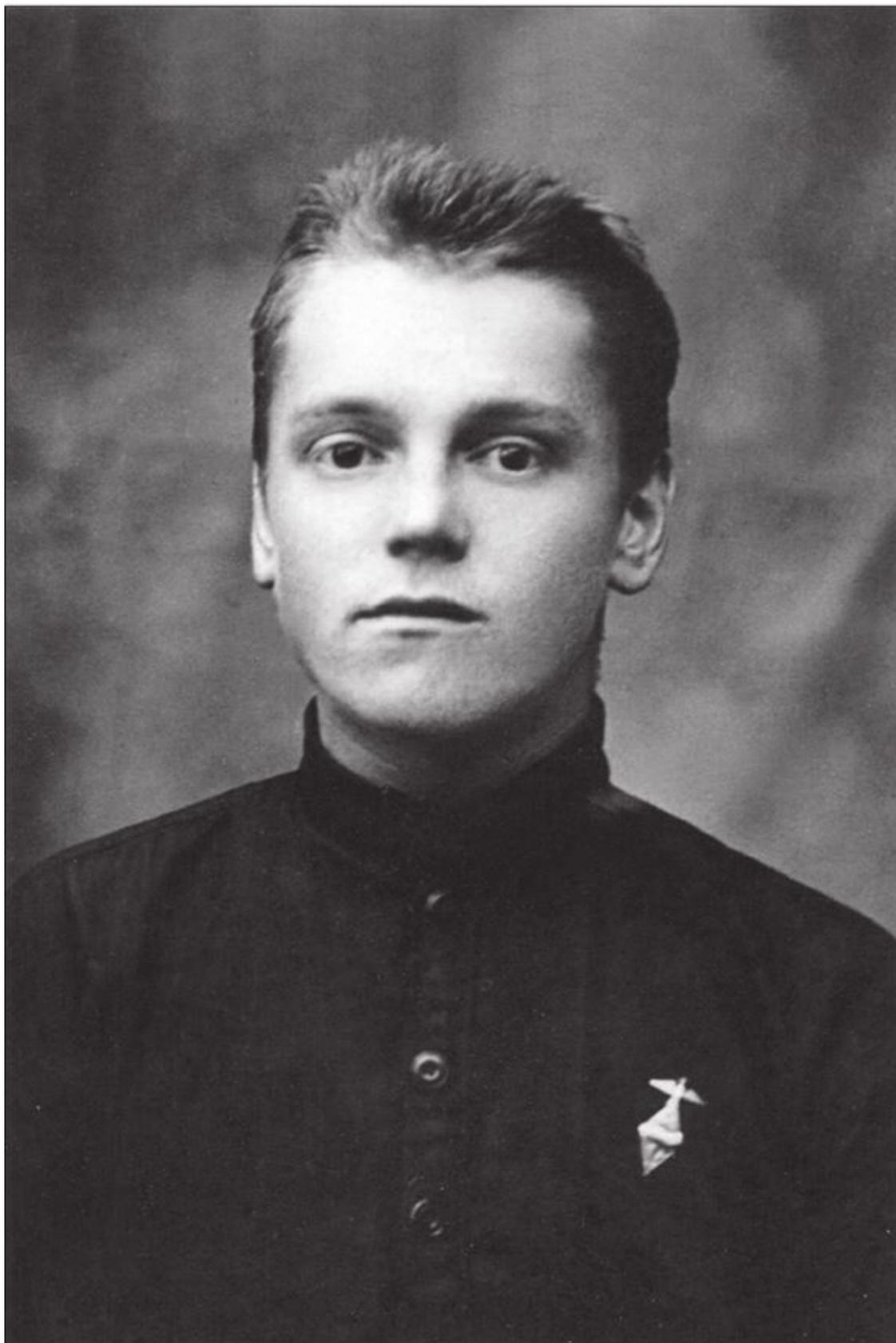
Летающий архиерей	7
Тартак – Двинск – Рига	8
Псковская миссия	14
Германия	21
Бронкс, Нью-Йорк	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ираида Легкая Летающий архиерей

© НП «Посев», 2014

© Легкая И. И., 2014

* * *

Иоанн Легкий (1907–1995) в молодости

Летающий архиерей

«Ваня, нарисуй нам еще одного архиерея», – просили младшие братья и сестры, и Ваня рисовал архиерея в полном облачении, с широко расставленными ступнями, – единственное, что он умел рисовать. В многодетной семье священника Ваня был вторым сыном. Его и младшую сестру Нину мать особенно любила за их врожденную доброту, граничащую с наивностью. Мать Вани (моя бабушка) – Мария Иосифовна, полька по происхождению, перешла в православие. Отец Вани (мой дедушка) – Савва Феодосьевич, родом из белорусского села Белицы, до того как принять сан священника, был железнодорожником. «Жили они очень дружно. Всегда стояли друг за друга горой», – вспоминает моя двоюродная сестра Тамара, воспитывавшаяся в семье дедушки. Моя бабушка родила шестнадцать детей, шестеро из них умерли в младенчестве. В годы развала Российской империи семья жила в Двинске (ныне – Даугавпилс, Латвия. – *И. Л.*). Приходилось трудно, попробовали открыть продуктовую лавочку. Жалостливая бабушка подкармливала своих ребят и их друзей. Предприятие долго не продержалось. В школе в первом классе, когда учительница раздала ребятам свидетельства, мальчишки подучили доверчивого Ваню поставить самому себе отметки. Учительница прореагировала строго. Поставила двойку за поведение и написала: «Отметки ставит сам». Как с таким свидетельством показываться родителям? Мальчишки снова научили, получилось: «Поведение два. Отметки ставит сама». Тут уже учительница сообразила, в чем дело.

Церковь Ваня полюбил с детства. Был прислужником и чтецом в Двинском Александро-Невском соборе. Он окончил Двинскую гимназию, Рижские педагогические курсы, Рижскую духовную семинарию. Впоследствии изучал богословские науки в Рижском университете. До возведения в сан священника Иван Саввич Легкий женился на Екатерине Яковлевне Перминовой, дочери Якова Амвросиевича и Феодоры Парфеньевны. Дед был железнодорожником, умер рано от разрыва сердца. Бабушку мы с сестрой помним как женщину суровую и строгую. В семье мамы было три сына и две дочери. Папа вспоминал, что его впечатлило, как мама цитировала русских классиков, греясь у печки. А мама: «Я увидела, что человек хороший, добрый. И священнику разводиться не положено».

Тартак – Двинск – Рига

«Возведем меня на священническое служение был приснопамятный Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер), ставший священномучеником. Его назначил в 1921 году на Рижскую кафедру Святейший Патриарх Тихон, сказавший ему: “Ты – муж борьбы”, и давший ему автономное право управлять Латвийской Церковью, поскольку она находилась в самостоятельном государстве. Владыка Иоанн рукоположил меня во иереи 1/14 сентября 1931 года с назначением в Коплавский приход бывшей Курляндской губернии», – говорил отец при наречении его во епископа.

Молодожены жили два года в семье дедушки, отца Саввы, у которого был приход в Тартаке. Помимо священнослужения папа заведовал четырехклассной начальной школой в местечке Юганино, вел Закон Божий и преподавал арифметику. Ездил туда на велосипеде. В 1932 году у отца Иоанна и матушки Екатерины родилась первая дочь, Ираида. Роды были трудными. Тетя Нина незадолго до своей смерти в 2001 году вспоминала: «Я помню день твоего рождения. Твоя крестная, тетя Нюра (сестра матери), отправила нас в лес за черникой, а бабушка дала нам с Леной (сестра отца) большую корзину, чтобы дольше задержались в лесу и не видели, как тебя “аист принес” на свет 1 июля 1932 года. Тогда так говорили о рождении ребенка. Бабушка, как я позже узнала, послала за акушеркой. Тебя все в семье считали не по годам умной и развитой. Я помню, как ты в двухлетнем возрасте декламировала М. Ю. Лермонтова “По синим волнам океана”. И тебя наши прихожане величали барышней и называли на “Вы”. А мы смеялись». Мы переехали в Двинск, когда мне было два года. Единственное воспоминание о деревне – темный, таинственный колодец. И еще коровы, которые мне очень нравились. В Двинске у моих родителей родилась вторая дочь – Галина. Когда мама спросила меня: «Куда мы положим девочку?» – я ответила: «Под кровать, чтоб ее мыши съели».

«В 1934 году владыка Иоанн назначил меня вторым священником в Двинский Александро-Невский собор, где я в отроческие и юношеские годы был прислужником и чтецом и в трудные времена помогал священникам при отправлении служб и треб. Памятен мне этот собор тем, что в былые времена настоятелем его был отец Петр Белавин, родственник Святейшего Патриарха Тихона. Грустно памятен он мне и тем, что известный законоучитель Двинской женской гимназии отец Феодор Румянцев в 1919 году был расстрелян. Я видел его лежащим в гробу. Вспоминается мне и убиенный отец Петр Цитович, на отпевании которого я был. С грустью вспоминаю я этот собор сейчас, потому что его, увы! – уже нет. Он был снесен с лица земли. То же сделала безбожная власть и с Двинской Успенской церковью. В обоих этих храмах я неоднократно служил».

В 1934 году Латвийскую Православную Церковь громом поразила весть о злодейском убийстве архиепископа Рижского Иоанна. «Преемник владыки Иоанна, митрополит Августин, мой законоучитель, назначил меня на должность священника Рижского Свято-Троице-Сергиевского женского монастыря», – вспоминал отец.

«Основательницами монастыря были Мария Николаевна Мансурова и ее дочери Екатерина Борисовна и Наталья Борисовна. Они открыли в мае 1891 года детский приют и богадельню. Свято-Троицкая община была утверждена в ноябре 1892 года. В 1893 году была освящена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, покровителя общины. Деньги на постройку собирали

в Риге. Двадцать девять тысяч рублей пожертвовал император Александр III. Одним из жертвователей был преподобный Иоанн Кронштадтский, посетивший общину в 1894 году и предсказавший ее процветание. Вместе с храмом возникли три деревянных корпуса, один – примыкавший к храму, здание, где помещался приют со школой и просфорня с хлебной, караульная и причтовый дом. Позже сторожка была переделана в свечной завод. В 1909 году основательницу общины постригли в монашество с именем Сергии и возвели в сан игуменьи. Новый монастырь был открыт 19 мая 1902 года. Новый каменный собор был освящен в 1907 году. На постройку его император Николай II пожертвовал семьдесят пять тысяч рублей. В монастыре также была столовая для бедных, где ежедневно кормили более 150 человек». (Сведения почерпнуты из «Всеобщего путеводителя по монастырям и святым местам Российской империи». Нижний Новгород, 1907.)

В Ригу наша семья переехала в 1936 году. Мне было четыре года, сестре два. Поселили нас в домике неподалеку от коровника. В первое же утро я поднялась рано и туда побежала, уж очень хотелось посмотреть на коров. «Мадам Свекла, мадам Свекла», – громко позвала я монахиню. Звали ее мать Фекла. Она страшно обиделась, и маме долго пришлось ее утешать и уговаривать, что, мол, девочка привыкла к городской жизни и не знает, как обращаться к монахиням. Позднее нас переселили в другой дом, с кустами сирени и цветочными клумбами перед домом и с огородом сбоку. В наш прежний дом поселили второго батюшку – отца Николая Виеглайса с женой и двумя дочерьми. Виеглайс по-латышски значит – «легкий», и в Риге много потешались над таким совпадением. Отец и о. Николай были очень дружны, относились друг к другу со вниманием и уважением. А мы дружили со старшей дочкой его Наташей. Марина была младше нас. Мою сестру в монастыре прозвали монастырским гудком, голос у нее был звонкий, и временами она громко редела. Как-то, накануне ее дня рождения, мама ее уговаривала: «Вот завтра день твоего рождения, ты теперь будешь большой девочкой и перестанешь громко плакать». Галя проснулась и, увидев, что рост ее не изменился, завопила.

В детской комнате стоял застекленный книжный шкаф. Папа был страстным библиофилом. Постоянно пополнял свою библиотеку и меня не забывал. У него была печать – «Из книг священника Иоанна Легкого», у меня – «Из книг Ираиды Легкой». (Через много лет, в новом двадцатом первом столетии, после того как пала советская власть и мы стали общаться с семьями в Латвии, мой двоюродный брат Алик, сын тети Нюры, привез одну из моих книг с печатью «из книг Ираиды Легкой» – «Путешествие женщины на Шпицберген».)

Читать я научилась сама в раннем возрасте. Мама и тетя Нюра сидели в кухне и беседовали. Я пришла и заявила: «Я умею читать». «Да, да», – отмахнулись они, зная, что я многое знаю наизусть. «Дайте мне любую книгу», – разревелась я. Принесли одну из папиных книг, и я стала вслух читать. «Тут мы сообразили, что ты время от времени прибежала и спрашивала: «А это какая буква?» – вспоминала мама. Галя учиться читать не торопилась. «Пусть я буду безграмотной, – говорила она, – что нужно, Ирка мне прочтет». – «Ну, а если тебе нужно будет документ подписать?» – спрашивала мама. – «Я крестик поставлю», – не терялась сестра. Как-то раз меня наказали и поставили в угол рядом с книжным шкафом, где соседствовали книги Чарской и Луиз Мэй Олькотт (в переводе на русский), Надсон и Гумилев, русские классики. Я стояла и думала, что убегу к бабушке в деревню. Он иногда приезжал в Ригу с чемоданом, полным деревенских гостинцев. Это единственный случай наказания, который помню, а за что наказали – забыла.

Мамина семья жила в Риге. Мы часто ездили к ним в гости. Они приезжали к нам. Старший брат мамы, Василий, был железнодорожником. Два младших брата – Андрей и Михаил – иногда рассказывали нам страшные истории, к большому нашему удовольствию. У дяди Андрея был дар к языкам. Он увлекался английским языком и Марк Твенем. О самом младшем брате

– Михаиле – мама особенно заботилась. Мама и тетя Нюра занимались рукоделием и нас обучали. Они серьезно обсуждали наш детский гардероб. Часто портниха шила нам пальто и платья одного фасона, но из материи разного цвета. А бабушка учила нас вязать рукавицы, носки и перчатки. В работе по дому маме помогала латышка Люся. Закусив, она часто говорила: «Я наелась до утра». Мама хорошо готовила. На каждый день недели было свое меню. Иногда она спрашивала, какую мы хотим яичницу, и мы дружно отвечали: «С муком и с молоком».

В монастыре, занимавшем целый городской квартал, детям было раздолье. Было где бегать, играть, прятаться. Как хорошо было лечь и катиться с холма, на котором стоял собор! Помню, что сестра называла себя Алешей Поповичем, а я себя звала Добрыней Никитичем. Каждое лето мы на месяц уезжали в Пустыньку, так все звали отделение монастыря, расположенное в лесу недалеко от Елгавы, Спасо-Преображенскую пустынь. Там мы научились искать грибы. Сыроежки росли прямо у строений монастыря, за подосиновиками устраивались походы. Грибы монахины заготавливали в большом количестве, впрямь к постным дням. Я помню подземный погреб в монастыре в Риге, где стояли большие бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, солеными грибами. Мы мечтали о поездке в Пустыньку, но мама говорила: «Сперва надо выполоть грядки с помидорами, а тогда поедем». И мы охотно полости. Мама умела вдохновлять на труды. Помню, как мы просили ее: «Когда, наконец, мы сможем мыть пол в нашей спальне?».

Мы, дети, любили богослужения – зимой в уютной деревянной церкви, летом – в просторном каменном соборе. Особенно Рождество, Вербную субботу и воскресенье, службы Страстной седмицы, Двенадцать Евангелий. К Пасхе мама усердно готовилась, пекла куличи, делала две пасхи, сырную и заварную. В Пасхальную ночь мы, дети, могли бить в колокола. Колокольный звон раздавался все три дня Христова Воскресения.

Во время первой исповеди я озадачила кротчайшего отца Николая вопросом: «Если Бог все может, почему Он попускает зло?». В семь лет я превратилась из младенца в отроковицу. Этот водораздел, когда впервые идешь к исповеди, был очень значительным.

К духовенству в Латвии относились с почтением, памятуя, как в революцию убивали священников. Отец пользовался уважением и любовью монахинь и прихожан. Жизнь текла так, как она текла, когда здесь была Российская империя. В монастыре все говорили по-русски. Мама и папа владели латышским языком, отец иногда служил по-латышски. В русских гимназиях, в которых они учились, латышский язык был обязательным предметом. А мы в дошкольном возрасте латышского не знали, кроме отдельных фраз. На каком языке мы ругались через дырку в заборе с соседними латышскими мальчишками, я не помню. Как-то раз на вокзале, во время поездки в Пустыньку, мы увидели президента Ульманиса в сопровождении двух-трех человек. Он подошел к нам и всем пожал руки. В Латвии уживались латыши, русские, евреи, поляки, немцы. Перед Рождеством в центре города устраивался Рождественский базар, к большому нашему удовольствию. Елки, ларьки с елочными игрушками, вафлями с взбитыми сливками. Однажды я попросила в подарок к Рождеству немецкий букварь.

В предисловии к книге «Корабли старого города» (Рига: Латвийское общество русской культуры «Даугава», 2005), эмигрантка первой волны Ирина Сабурова писала, что русские в Латвии стали «эмигрантами» только с 1944 года: «... принимая живое участие в жизни Балтийских республик, русские полностью сохранили свой язык, культуру и всячески развивали ее; можно даже сказать, что наше прошлое (свободная жизнь в свободной стране) – это, Бог даст, будущее России».

Отец часто с нами играл. Однажды одна из нас его нечаянно толкнула. Другая строго сказала: «Не бей, видь священник». Отец занимался на богословском факультете Рижского университета. Я очень ревностно следила за его отметками. Когда он один раз получил четверку вместо обычных пятерок, я разревелась. Он также преподавал Закон Божий. Проповеди

его славились. Помню еще, как-то ясновидящая монахиня взглянула на его руку и зарыдала: «О, какие тяжелые испытания ждут Вас на склоне лет...».

Отец всю жизнь относился к архипастырям с сыновней любовью и беспрекословным послушанием. И они его любили. В кабинете отца (когда у него таковой был) висели их портреты. Галерея эта открывалась портретом архиепископа Иоанна Рижского. Он был не только главой Латвийской Православной Церкви, но и членом Латвийского Сейма, куда прошел по списку православных и русских организаций Латвии. Вот как описывает встречу с владыкой Иоанном журналист Андрей Седых в книге «Пути, дороги» (Изд. 1934 г.):

«Архиепископ Иоанн живет в подвале собора. В его “покои” ведет узкая винтовая лестница. Низкие сводчатые потолки, на стенах пятна сырости... Скучно живет владыка. Несколько кресел, стулья. Шкафы с книгами. Иконы. Над столом – большой портрет патриарха Тихона. Кровать за перегородкой. В углу у печи – груда поленьев. “От нас отняли помещение архиерейского дома, – объясняет владыка. – Тогда в виде протеста я поселился здесь. Делались компромиссные предложения. Хотели купить новый дом, но я отверг. Это значило оправдать беззаконие. Архиерейский дом был православным мужским монастырем, нашей святыней. А помещение сие подвальное – нам к лицу, оно символизирует нынешнее, надо надеяться, временное положение Православной Церкви в Латвии. У нас отнят кафедральный собор, бывший усыпальницей архиепископов. Его превратили в лютеранскую церковь. И много других церквей отнято. Это тем более прискорбно, что, в общем, латыши хорошо относятся к русскому меньшинству и его не притесняют, а вот Православную Церковь загнали в подвал. Говорю это как депутат Сейма, и обвинение неоднократно предъявлял с парламентской трибуны. Долголетняя жизнь в подвале на здоровье моем никак не отражается. Здоровьем меня Господь не обидел. Все в роду такими были. Сила у нас передается от отца к сыну. Дед мой, покойник, Царство ему Небесное, однажды рассердился на коня и легонько стукнул его кулаком по голове. А конь свалился и в тот же час окошел. Недавно случай был. Подбегает ко мне шофер: “Владыка, Ваше Высокопреосвященство, помогите автомобиль вытащить. В грязи завяз. Подобрал я ярсу, поднатужился и вытащил автомобиль».

А вот как описывает архиепископа Иоанна Рижского парламентский корреспондент Г. Нео-Сильвестр (На буреломе. Воспоминания русского журналиста. – Изд-во «Посев»):

«Высокого роста, плечистый, умные, большие глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрывааемые большой окладистой бородой, энергичная, величавая походка. Каждое выступление его в Сейме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов много оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со злом, особенно с марксистами, в которых видел ярых врагов, не только церкви, но и каждого правового государства. Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величавая осанка, архиерейское облачение, мощный голос, произносимые с большим чувством молитвы – все это производило на молящихся неотразимое впечатление. Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. Эти проповеди доходили до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношению к тем, кто не

исполнял своего пастырского долга. Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили.

За несколько недель до закрытия Сейма навсегда (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член Сейма Янис Поммерн, он же Архиепископ всей Латвии, произнес громовую речь против вожаков крайне левых партий, ведущих Латвию к гибели, и потрясал папкой, указывая, что в ней находятся документы, изобличающие подлую работу латвийских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря. Разразился небывалый скандал. Социал-демократы вскочили с мест, крича: “Вон, вон”; некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору. Председатель Сейма водворил порядок. Оратор продолжал, улыбаясь: “Этот шум и свист напомнил мне случай, происшедший со мной на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, заехал крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде в деревню на нас напали с яростным визгом собаки, с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. “Не бойся, батя, – сказал мне возница, – это они приветствуют тебя на своем собачьем языке”. Что говорил оратор дальше, разобрать было невозможно вследствие невероятного шума. Заседание пришлось закрыть».

В 1984 году в издательстве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, штат Нью-Йорк, вышло жизнеописание Святителя Иоанна (Келер Л. Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), 1999). Людмила Келер считает самым удивительным то, что архиепископ Иоанн – по духу и по своей любви к России – истинно русский, был латышом по происхождению. Он родился в латышской крестьянской семье. В детстве будущий Владыка помогал родителям в хозяйстве, первым его «послушанием» было пасти стадо. Прадед его одним из первых принял православие, за что подвергался преследованиям со стороны немцев. У владыки были блестящие способности, он получал стипендии на протяжении всего училищного и семинарского курса. Во время летних каникул помогал родителям в крестьянских работах. Киевскую духовную академию он окончил в 1904 году. В Чернигове и Вологде проявил себя как блестящий педагог и администратор, ряд лет работал с обществами народной трезвости и трудовой помощи бедным. В 1911 году его рукоположили во епископы. Епископское служение он проходил в епархиях Минской, Приазовской и Пензенской. В первые годы после революции владыка подвергался преследованиям, на его жизнь покушались, арестовывали. Верующие стояли за него горой. «Служение в Пензенской епархии после октябрьского переворота было одним из самых тяжелых периодов пути будущего мученика», – пишет Людмила Келер.

Иоанн, Архиепископ Рижский и Латвийский, был злодейски замучен 12 октября 1934 года в ночь с четверга на пятницу, на архиерейской даче, на Киш-Озере, около Риги. Владыка был в это время в расцвете сил (ему не было еще и 60 лет); он был самой крупной фигурой в церковной и общественной жизни православной Прибалтики. Через несколько дней торжественно хоронили главу Православной Церкви Латвии. Улицы вокруг собора были запружены народом. Движение было остановлено. Люди в соборе стояли на коленях и плакали. Все были ошеломлены и подавлены. Гроб владыки выносили под звон колоколов. Похоронили его на Покровском кладбище. «Преступление никогда не было раскрыто. О том, кто были истинные вдохновители злодеяния, в Латвии знал каждый ребенок, но официальное обвинение никогда не было предъявлено: следы вели в советское посольство. Пресса не могла писать об этом: слишком зловеща была тень, которую кидал могущественный сосед на маленькую двухмиллионную страну. Непосредственные исполнители остались неизвестными, но всем было ясно, что это были наемники красного Кремля: приказ об убийстве был дан оттуда», – пишет Л. Келер.

При пострижении отца в монашеский чин в августе 1990 года ему оставили прежнее имя, в память рукополагавшего его в священный сан священномученика Иоанна, архиепископа Рижского.

Одно из воспоминаний моего беспечального детства – поездка к дедушке в деревню, в Латгалию. В скромном приходском доме дедушки и бабушки весело и дружно жили три поколения, иногда друг друга поддразнивая. Младшие сестры отца нашли дневник самого младшего брата Анатолия и, смеясь, декламировали из него: «Познакомься с Татьяной Мальковой, я впервые узнал, что такое любовь». Дядя Анатолий был старше меня и двоюродной сестры Тамары всего на семь лет, а мы обе родились в этом доме. Мы ходили в лес, ездили на сенокос, катались на телеге, смотрели, как прыгает через костры деревенская молодежь в ночь под Ивана Купалу.

Летом 1939 года отец принял участие в паломничестве на Валаам, вернулся, полный впечатлений. В конце жизни нередко вспоминал: «Кто бы мог подумать, что мальчик, с нами в лодке сидевший, станет Патриархом всея Руси...»

Псковская миссия

В 1939 году были подписаны пакты – советско-германский о ненападении и советско-латвийский о взаимопомощи, на основании которого СССР получил право на военные базы в Латвии. Жизнь перевернулась. «Обреченность Латвии становилась очевидной и, охваченное тревогой за свое будущее, население осенью – зимой 1939 года скупает в магазинах продукты», – пишет в прекрасной книге «Под покровом Тихвинской иконы» историк Александр Гаврилин. «Семнадцатого июня 1940 года советские войска перешли границу Латвии и в течение нескольких часов оккупировали латвийскую землю». Летом 1940 года было запрещено преподавать Закон Божий.

Сестра до сих пор остро помнит то время, ей было 4 года: «Куда прятать отца? Чуть только позвонит телефон – мы узнавали, что еще кого-то арестовали. Я жила в большом страхе, думая, что отца придут забирать. А он еще проповедовал, громя безбожную власть. Мама всегда чуть не плакала перед службой и умоляла его говорить только на евангельские темы. У нас в доме был большой шкаф, но если его за шкаф спрятать, все равно найдут».

В 1940 году я пошла в школу. До этого занималась с еще несколькими ребятами у частной учительницы, умела читать, писать, знала арифметику. Самое яркое воспоминание осталось от дамы, временно заменяющей обычную учительницу. Она рассказывала о фильме «Тарзан, приемный обезьян» и еще об одном фильме, заканчивавшемся волнами, на которых выступало слово *ТАБУ*. Еще помню, как мне давали декламировать стихотворение о Сталине и его трубке. В классе у меня были две подруги, одна – староверка, другая – еврейка. Я была любимицей класса. Несмотря на это, после того, как у меня во время урока гимнастики выпал из-под воротничка крестик, мальчишки меня побили по дороге домой; было обидно, но не очень больно. Дома я об этом никому не сказала. В те годы сестру отличала тревога об отце и забота о справедливости. Частое ее выражение – «это была человеческая несправедливость». Мне же было свойственно полное отсутствие чувства страха.

«С первых дней советской власти в Латвии было развернуто наступление на религию и Церковь», – отмечает А. Гаврилин. Было запрещено преподавание Закона Божьего в школах, закрыты богословские учебные заведения, Церкви запретили работу с детьми и молодежью, миссионерскую и издательскую деятельность. В латвийской прессе появились яростные нападки на религию и священников. «... Методы психологического давления на верующих и духовенство приобретают самые грубые, разнузданные формы», – пишет А. Гаврилин. Он обстоятельно описывает и сильнейший экономический нажим на Церковь.

Присоединять на правах епархии Латвийскую Православную Церковь к Московской Патриархии в Ригу приехал митрополит Сергей (Воскресенский). Он поселился в Рижском Свято-Троице-Сергиевском монастыре (где отец был настоятелем). Ему отвели скромные покои в монастырском корпусе. Здесь митрополит Сергей попал в своеобразный обломок Российской империи, где жизнь текла, как в дореволюционные времена. Владыку сопровождал секретарь, человек интеллигентный, вежливый. Сомнений в том, к какому ведомству он принадлежит, ни у кого не было. Странно, он хотел меня удочерить, уговаривал родителей. «Вы знаете, что с Вами будет, а со мной Ирочка побывает во многих столицах мира». Родители наотрез отказались.

Знаменательно то, что за год советской оккупации никто из проживавших в ограде монастыря не был арестован. Говорили, что после прихода немцев секретаря владыки Сергея нашли убитым в подвале НКВД.

Дядю о. Иакова арестовали, били головой о стол при допросах. Его приговорили к расстрелу, под утро. Ночью началась бомбежка, советские войска ушли, немцы его освободили, как и всех, арестованных Советами. Маминого брата Андрея в советское время взяли в армию.

Он был в Красной армии во время отступления, отморозил ноги, попал в плен, немцы его, как латвийского гражданина, со временем отпустили, впоследствии он стал секретарем Псковской миссии, женился на псковитянке.

В архиве отца я нашла справку от 24 мая 1941 года, данную отцу Патриаршим Экзархом Сергием, о том, что он находится в общении с Московской Патриархией и в священнослужении не запрещен. (Возможно, что это было защитной грамотой.) Владыка Сергей полюбил отца, подарил ему серебряный наперсный крест. Нас, детей, баловал, катал на взморье на своем автомобиле, шутил с нами. Устраивал иногда у нас в доме небольшие приемы. Помнится, у нас побывал певец Иван Жадан. Когда в гостях оказалась бывшая актриса Мариинского театра Мария Ведринская, меня выпустили декламировать «Тиха украинская ночь». Ведринская сказала маме: «Привозите ко мне Ирочку на уроки», и мама несколько раз меня возила. Но времена были тревожные, и уроки прекратились, я осталась с «шипящими согласными».

«Владыка Сергей возвратился в Ригу (после поездки в Москву. – И. Л.) в белом клобуке в сане Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии. Отношение к нему было осторожное, хотя все видели в нем исключительного служителя Церкви. Он замечательно служил, быстро навел порядок, и как-то не чувствовалось, что владыка боится советской власти. Митрополит Сергей, несомненно, привлекал людей к церкви. Ему в то время было только 44 года, с трудом верилось, что он приехал из Советского Союза. Невольно у людей появилась надежда, что раз в СССР может быть такой архиерей, то могут быть и такие священнослужители. Но были среди прихожан и те, кто владыке не доверял.

С приездом владыки, особенно после того, как он остался в Риге, число молящихся увеличивалось с каждым днем. Служил он прекрасно, голос у него был чудный, все сослужившие ему пели – от старшего священника до самого маленького жезлоносца – и пели не хуже хора... В одной статье, которую я получил из Риги, когда исполнилось 50 лет со дня смерти владыки, его жезлоносец писал: «Он был величественным архиереем. Выше среднего роста, в меру полный, с длинными слегка выющимися волосами, он производил царственное впечатление, особенно когда стоял на кафедре в полном облачении в окружении многочисленного духовенства или когда с посохом в руках выходил из алтаря» (Герич А. В. Трагическая судьба митрополита Сергия (Воскресенского) // Новый часовой. 2004. № 15–16).

Масштаб личности экзарха Сергия невероятен. Он оставался верен своему духовному наставнику митрополиту Сергию, но как-то ошарашил отца вопросом: «Вы знаете, кем был митрополит Антоний?» – имея в виду митр. Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую Зарубежную Церковь по благословию патриарха Тихона. Отец в смятении не знал, как отвечать. А владыка Сергей говорит ему: «Это настоящий Отец Церкви». Сам экзарх Сергей был и князем, и воином Церкви. Он бесстрашно противостоял и советской, и немецкой разведке, говоря: «Если с НКВД справлялись, с этими колбасниками и подавно справимся». В память врезались два его богослужения в каменном соборе монастыря: молебен по случаю провозглашения Смоленского воззвания генерала Власова, когда ощущался особый подъем среди молящихся, невозможное казалось возможным, и виделась Россия, сбросившая с себя советские оковы; и второе – на Страстной неделе – Чин омовения ног Апостолов: в темном каменном сыром соборе владыка Сергей, преклоня колени, умывал ноги двенадцати священникам.

По поводу того, что экзарх остался в Латвии во время немцев, ходило много кривотолков. Но ведь долгом архипастыря было оставаться со своей паствой.

Александр Гаврилин справедливо пишет, что несомненными заслугами Экзаршего управления были: окормление советских военнопленных летом – осенью 1941 года (в конце 1941 года немецкая администрация запретила богослужения в лагерях для военнопленных); работа Псковской православной миссии в 1941–1944 годах (разрешение на посылку миссии было получено в августе 1941 года; до возвращения советских войск миссия открыла в северо-западных областях около 400 церквей); организация духовной и материальной помощи российским беженцам на территории Прибалтики в 1943–1944 годах.

Впервые немецких солдат мы увидели, когда они привезли под конвоем русских военнопленных в монастырь на «земляные работы». Устроено это было с тем, чтобы пленным накормить. В то время хлеб выдавался по буханке на человека, все бросились покупать хлеб. Впервые и меня направили в пекарню через улицу от монастырской ограды. Я почувствовала себя взрослой. Контраст между немцами и изможденными, в лохмотьях, пленными был разителен.

В августе 1941 года первая группа русских священников из Латвии отправилась в Псков. Галя вспоминает: «Основавший Псковскую миссию экзарх Сергей говорил: “Я посылаю самых лучших”. Одним из них был мой отец. Накануне служили литургию в Рижском кафедральном соборе, вечером – напутственный молебен у нас в монастыре. Я хорошо помню этот вечер. Мне семь лет. Уезжает мой любимый папа. Слезы душат, чтобы не разрыдаться вслух, выбегаю из храма. По дороге идет монашка, увидев меня, говорит: “Галя, что с тобой?”. Я шепчу: “Шнурок развязался”, наклоняюсь, делаю вид, что завязываю, вытираю глаза и бегу домой».

О Псковской православной миссии протоиерей А. Ионов в «Записках миссионера» пишет:

«Необходимость в Псковской миссии была осознана митрополитом Сергием сразу же, как только стали поступать первые просьбы из Пскова и других городов о присылке священнослужителей в эти места... Немецкие власти долго не соглашались на организацию Псковской миссии; в конце концов, они дали согласие на поездку группы православных священников Прибалтики в “страну за чертополохом”. Митрополит Сергей предписал ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков. О личном согласии никто не спрашивался. Все делалось в рамках церковной дисциплины, церковного послушания. К чести нашего духовенства, никто не отказался от участия в Миссии.

Мы прибыли в Псков к вечеру 18-го августа 1941 года, в канун праздника Преображения. В Троицком соборе только что закончилась служба, ее совершал на неделю раньше нас приехавший из Латвии протоиерей о. С. Е. Народ, переполняющий громадный храм, молча, в полной темноте (все светильники гаснут от порывов ветра в разбитые окна собора) подходит к амвону. Там заканчивается помазание освященным елеем. Происходит это в середине Всенощного Бдения, но сейчас такая масса людей, что обряд продолжается и по окончании службы.

Подшли к амвону и мы... Светлый праздник Преображения встречали мы на Русской Земле, в темноте. Троицкий собор – вчера еще Антиралигиозный музей... Вчера – насмешки, хула, поругание. Сегодня – чудные церковные песнопения, веками звучавшие в этих стенах. Лики святых – предмет вчерашних иронических замечаний руководителей экскурсий, сегодня перед ними благоговейно коленопреклоненная толпа. Со сложными чувствами легли мы спать в ту ночь в доме городского головы – русского псковича – кто на кровати, кто на полу, почти вповалку...

На следующий день все миссионеры приняли участие в Божественной Литургии. Многочисленная толпа заполняла Свято-Троицкий собор, он весь

залит солнечным светом. Праздник Преображения – радостный праздник, и все лица молящихся просветленные. Первая встреча с русским народом. И эта встреча в храме».

Для отца служение в Псковской миссии было самым значительным событием жизни. В эмиграции он часто о том времени рассказывал, но очень опасался за судьбу отца прот. Саввы Легкого и брата о. Иакова, оставшихся в Латвии, поэтому в трудах В. И. Алексеева он фигурирует как *отец И.* Вот его слова: «Когда в августе 1941 года мы приехали в Псков, на улице прохожие со слезами на глазах подходили под благословение. На первом богослужении в соборе все молящиеся исповедовались. Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников». Отец в Миссии вел дневник, увы, пропавший. Когда духовенству дали возможность выбирать приходы, он сказал: «Я поеду туда, куда никто не хочет ехать». И был направлен в самый близкий к фронту район, в город Гдов.

«Ехал он на лошадях в течение двух недель. Посетил около сорока церквей. Все церкви были закрыты и большинство разрушено. Там, где церкви еще можно было восстанавливать, народ их сейчас же восстанавливал. Настроение у народа было такое высокое, что часто думалось: «Да были ли здесь гонения?» – и казалось, что сам воздух был насыщен религиозным горением. Молодежь быстро вернулась к вере. Обычно причащения после богослужения продолжались дальше, чем само богослужение, – причащалось по 500–600 человек. В Пскове на Крещение в январе 1942 года участвовало 10 000 молящихся (из приблизительно 25 000 жителей, оставшихся в городе). Из всего района действия Миссии только в Гдове до начала войны оставалась одна незакрытая церковь.

Служить приходилось обычно с 6 ч. утра и до 10 ч. вечера. Крестили детей до 16-летнего возраста. Одновременно приводили по 25–30 и даже 100 детей. С августа по ноябрь 1941 года отец И. лично крестил три с половиной тысячи детей.

Девушки, певшие в хоре, приходили в другие приходы, не имевшие хоров, делая иногда пешком по 25–30 верст. То же усердие наблюдалось при ремонте и уборке церквей. Во время проповедей народ вздыхал и плакал, а в конце проповеди вслух благодарил проповедника» (Алексеев В. И. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение, № 14. Нью-Йорк, 1981).

Когда моя сестра Галина в 1990-е годы приехала из Пскова в Гдов часа за полтора на автомобиле, она живо представила себе, как в военное время в прифронтовой полосе, в которой действовали партизаны, отец ездил из прихода в приход. Его возили крестьяне на телеге. Иногда случалось, что приходит мужичок, говорит: «Батюшка, поле вспахать надо, не могли бы вы поехать дня на 2–3 позже»? Отец шел им навстречу и соглашался. Несмотря на занятость, он писал статьи для журнала «Православный христианин», печатный орган Миссии, а также принимал участие в деятельности латвийской организации «Народная помощь», помогавшей жителям оккупированной немцами области.

Долгое время мы ничего от отца или об отце не слышали. В то время рижане принимали в свои семьи русских детей из концлагеря Саласпилс. Мама очень хотела усыновить мальчика, но не зная, жив ли отец, не решилась.

Уже в бытность в Пскове, куда его назначили помощником начальника Миссии, отец ратовал за открытие школ и преподавание в них Закона Божия. Комендант, пожилой прибалтийский немец, ему сказал: «Да, батюшка, конечно, школа должна существовать. С Богом!». Через день-два отец приходит в школу, а там закрыто. Какой-то эсэовец выходит и говорит:

«Я не разрешаю». Отец Иоанн бежит к коменданту и рассказывает о случившемся. Комендант говорит: «Я выше него по званию, и я разрешаю». Школу открыли, и Закон Божий в ней преподавался.

В Пскове свирепствовал тиф. Отец заболел после посещения больных сыпным тифом. Немцы хотели забрать его в больницу, но благочестивые старушки не отдали его и выходили. Заклеили окна и двери, ходили к нему через небольшое отверстие. Отец с содроганием вспоминал, как на него в бреду лились потоки крови с потолка. Помню, как мы встречали его на вокзале еще слабого и больного, с наголо обритой головой. Он стеснялся, что волос нет, ходил в скуфейке. Когда отец окреп, владыка Сергей назначил его ключарем в Рижский кафедральный собор. Жили мы по-прежнему в женском монастыре.

Двоюродная сестра Тамара, выросшая в доме бабушки в деревне, рассказывает, как бабушка во время войны спасла дедушку от смерти: «Немцы думали, что дедушка – еврей (он всегда ходил в рясе, с длинными волосами и бородой), и хотели его убить. Бабушка, хорошо знавшая немецкий язык, бросилась к ним со словами: «Das ist mein Mann, Priester, kein Jude». Немцы потом приходили в церковь и извинялись». Тамара рассказывает и другую историю: «У нас в доме жила чета евреев, бабушка с дедушкой с ними дружили, распивали чай. Не немцы, а местные, латыши, немцам в угоду расстреляли их».

В апреле 1943 года в Ригу приезжал генерал А. А. Власов. Он посетил общину старообрядцев и выступил перед русской общественностью. «Говоря о целях РОА, – пишет участник собрания, – он открыто упрекал немцев в недалёковидности их политики в России... Он говорил больше часу и кончил под бурные овации присутствовавших. В овациях восторженно принимали участие и германские офицеры» (Русское Возрождение. 1980. № 10. С. 105). Перед выступлением Власов подошел под благословение к экзарху Сергию и несколько минут с ним беседовал.

Когда в 2011 году я получила труд А. В. Гаврилина «Под покровом Тихвинской иконы», я ахнула, увидев на с. 188 фотографию: сидят экзарх Сергей и рижский епископ Иоанн (Гарклавс), рядом с ним отец, слева от экзарха – игуменья, а рядом с ней о. Николай Виеглайс с младшей дочкой Мариной на руках. Над головой отца – лицо мамы, справа от нее – Елена Адамовна, директриса русской начальной школы, помещавшейся на территории монастыря, и матушка о. Николая. Стоят и сидят монахини. А в ногах у двух владык сидят три девчущки в светлом и послушницы в черном. В ногах у экзарха – моя сестра Галина, рядом с ней Наташа, старшая дочь о. Николая, я сижу в ногах у епископа Иоанна. Неотмирный мир, утонувший в прошлом...

Хиротония во епископы Иоанна (Гарклавса) состоялась 28 февраля 1943 года в Рижском кафедральном Христорождественском соборе. Тот же А. В. Гаврилин упоминает, что по времени хиротония совпала с окончанием Сталинградской битвы. Владыка Иоанн – один из прекрасного сонма латвийских священнослужителей. С именем его неотрывно связана чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Отец Георгий Тайлов, участник Псковской миссии, пишет в своих воспоминаниях: «Когда немцы ворвались в Тихвин, то там в монастыре, как музейный экспонат, хранилась чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Как мне рассказывали, во время боя храм загорелся, но один немецкий солдат, заметивший большую старинную икону, схватил ее и вынес из огня. Спасая икону, он был ранен и отправлен на лечение в Даугапилс». Спасенная от пожара икона была привезена в Псков. Перед приходом советских войск икону вывезли в Ригу.

В листке «Слава Божией Матери» прот. Иоанн Легкий писал о прибытии Тихвинской иконы Божией Матери в Ригу: «4-го марта 1944 года эта икона прибыла в Рижский кафедральный собор, торжественно встречена Рижско-градским духовенством во главе с преосвященным епископом Рижским Иоанном. По прибытии иконы был совершен молебен, по окончании

которого владыка Иоанн радостно приветствовал икону, начав свое слово евангельским восклицанием: «И откуда мне сие да прииде Мати Господа моего ко мне» (Лук. 1, 43)».

А. В. Гаврилин отмечает: «Понимая всю зыбкость своего положения и, видимо предчувствуя свою близкую кончину, митрополит Сергей в октябре 1943 года составил завещание, заместителем экзарха он назначил именно епископа Иоанна».

Весной 1944 года вся православная Рига была потрясена трагичным событием. Сестра вспоминает: «Я играла во дворе с детьми, вижу, монашка к кому-то подходит и говорит: “Митрополит Сергей убит”. Я бегом мчусь к матери домой и ей это повторяю. Она начала плакать, рыдать, а до меня это не сразу дошло». Митрополит Сергей был убит 29 апреля 1944 года, вместе с преданным ему шофером из советских военнопленных, майором Кулаковым, Героем Советского Союза, и еще тремя пассажирами. Советские говорили, что его убили немцы, немцы – что партизаны. Этот вопрос до сих пор не имеет ответа. Священник Николай Трубецкой (1907–1978) свидетельствовал, что митрополит Сергей был расстрелян партизанами, переодетыми в немецкую форму. Об этом ему рассказал партизан – участник расстрела, отбывавший срок вместе с Трубецким в том же лагере в Инте, Коми АССР.

В Рижский кафедральный собор экзарха Сергея привезли в субботу во время всеобщей. Встретили его священники во главе с архиереем, с хоругвями и крестом. Гроб владыки на руках духовенства внесли в темный храм, все опустились на колени... Отец, вместе с другими священнослужителями собора, омывал и облачал владыку. Незадолго до отпевания он пришел домой в смущении: «Мне владыка Даниил (архиепископ Ковенский) поручил сказать надгробное слово. Столько заслуженных протоиереев»... Отпевание экзарха Сергея происходило в четверг, 4 мая. Вход в храм был (по требованию немцев) по билетам. Собор был переполнен, гроб владыки утопал в цветах. Многие и священники, и миряне плакали. Нас, детей, поместили высоко на хорах. Одну из прощальных проповедей говорил отец, помню, что он сравнивал владыку с птицей Сирина. Служба длилась от девяти часов утра до трех часов. Многотысячная толпа проводила экзарха Сергея к месту его упокоения на Покровском кладбище, народ по обеим сторонам стоял стеной. Направо от кладбищенской церкви – могила архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), налево от церкви похоронили экзарха Сергея. Два священномученика охраняют православный храм.

Незадолго до прихода советских войск младшего брата мамы Михаила призвали в немецкую армию, он решил поступить в РОА. Отступая из России, немцы формировали в Латвии национальные отряды, в том числе латышские, а также русские под маркой РОА. После отхода основных немецких войск эти отряды держались в Курляндии до мая 1945 года. Позднее мы узнали, что мамин брат Михаил погиб в концлагере. Другой брат, Андрей, служивший в Псковской миссии, по приходе Советской армии был арестован и тоже погиб в концлагере.

В конце сентября 1944 года немцы принудительно вывезли в Германию епископа Иоанна Рижского с Тихвинской иконой Божией Матери и ряд священнослужителей, о. Николая Виеглайса с семьей в их числе. Советские войска надвигались. Мама очень боялась их прихода, хотела уезжать. «Ваня, ты знаешь, что они с тобой сделают», – говорила она. Отец, всегда с ней считавшийся, на этот раз твердо сказал: «Я никуда от своей паствы не уеду». Однако за три дня до прихода советских войск немцы арестовали отца, дали час на сборы. Потом разрешили взять семью и дали на сбор больше времени. Наскоро сбрасывали вещи в сундук, в чемоданы, в платяной мешок. Мама разрешила нам взять по одной кукле. Я сказала: «Или всех, или никого» – и взяла с собой мишку. «Я помню, как стояла и плакала бабушка. А мне казалось интересным – куда-то едем... почему? что за происшествие?» – вспоминает сестра. Вводили нас на пароход солдаты с оружием в руках. Отцу Николаю Трубецкому в последний момент удалось бежать с парохода (после прихода Красной армии о. Николай был арестован и отсидел 10 лет в ГУЛАГе в Коми, а потом пять лет в ссылке в Печоре). Помню, папа на нас посмотрел и сказал: «Если бы вы ко мне не привязались, были бы все сегодня дома». В группе духовенства,

с нами вывезенной, был иподиакон Константин Храмов с матерью. Она – женщина пожилая – очень нас, ребят, развлекала, шутила, играла с нами в карты. Для меня отъезд проходил в туманной полосе, отдельной от земли.

Германия

По приезде в Германию всю вывезенную группу духовенства и клира отправили в переходной лагерь. В бараке с двухэтажными нарами девушки-остовки пели грустные частушки: «А я пойду туда, где колосится рожь, я буду с тем гулять, кто на меня похож... А я пошла туда, где колосится рожь, и не нашла того, кто на меня похож...». Как-то на лагерной площадке собралась небольшая толпа, в центре стоял человек с медвежонком в руке и спрашивал: «Чей это мешок разорвался?». Я узнала своего медвежонка, и мы получили назад наш мешок с постельным бельем, в котором было много маминых рукоделий. Она искусно вышивала гладью и вязала тонкие кружевные салфетки. Из лагеря вся группа отправилась к владыке Иоанну Рижскому, в Судеты. Казалось, что путешествию не будет конца. Пересадки, задержки, во время которых слышались отдаленные взрывы бомб. Время от времени нас кормили скудными бутербродами. Спали кое-когда и кое-как. И, наконец, захолустный фабричный поселок Иоганнесберг, в семи километрах от Яблонца, маленькая гостиница. Мы жили в небольшом зале, в котором за перегородками из одеял ютилось несколько семей, стоял большой обеденный стол, а над ним висела икона Тихвинской Божией Матери. Я подружилась с Ириной, дочкой о. Иоанна Бауманиса.

«Владыка Иоанн был не только признанным духовным лидером группы. К нему обращались за советом по житейским вопросам, обращались для решения споров. Непреложный авторитет владыки сплачивал людей и, как писал о. Сергей Гарклавс, все ощущали себя членами одной большой семьи. В немалой степени этому способствовал порядок, установленный епископом Иоанном. Каждый день начинался с совместной молитвы и молебна, а заканчивался вечерней молитвой и акафистом» (Из книги А. В. Гаврилина).

Все это происходило под покровом Тихвинской иконы Божией матери, которая находилась в большом зале. По воскресеньям и праздникам православные богослужения совершались в пустующем старокатолическом храме в г. Яблонце. Жили скудно, продовольствие выдавалось по карточкам. Помню, как мама посылала нас в Яблонец с наказом спросить в мясной лавке: «Kann Ich Knochen noch bekommen?». И мы охотно туда на трамвае ездили, в магазинах было пусто. Заниматься в немецкой школе детям как «ауслендерам» не разрешили. Во время походов в лес за грибами отец давал мне уроки грамматики, которую хорошо знал.

Война докатилась до спокойного судетского поселка в мае 1945 года. На второй день Пасхи молодая родственница о. Петра Кудринского вбежала в дом с криком: «Наши пришли!». С советским комендантом установились хорошие отношения. Как-то в гостиницу ворвалась группа партизан и велела всем мужчинам собираться без вещей. Кто-то побежал к коменданту, и он спас духовенство от партизан. Вначале решили возвращаться домой. Однако впоследствии было принято решение перебираться в западную зону оккупации. Несомненно, на это повлияли русские солдаты, с глазу на глаз уговаривавшие пожалеть жен и детей и не возвращаться на родину. В августе 1945 года группа епископа Иоанна выехала из Иоганнесберга в Прагу. Там бельгийская католическая организация «Каритас» оформила группу епископа Иоанна как бельгийских беженцев. В Праге священники, переодетые в штатское, направилась к епископу Пражскому Сергию (Королеву), он, шутя, встретил их словами: «На вас штатское, как на корове седло». Перед посадкой на поезд нас предупредили не говорить по-русски, где-то в пути поезд остановили, слышны были голоса советских солдат. Потом ходил слух, что следующий состав проверяли более тщательно, всех беглецов высадили и тут же расстреляли. Мы же благополучно доехали через Пильзен сперва в английскую, а затем в американскую зону Германии.

Отец, всю свою сознательную жизнь тяготевший к Русской Православной Церкви Заграницей, перешел в ее юрисдикцию. В послевоенные годы мы кочевали: сперва из лагеря, где мы с сестрой не прижились в латышской школе без знания языка, – в лагерь во Фраймане, в предместье Мюнхена, – там мы поступили в русскую гимназию, а отец был законоучителем. Но и здесь мы долго не задержались. Перед отъездом ученики отца вручили ему послание, в котором говорилось: «...весть о Вашем отъезде нас очень огорчила, и мы спешим выразить Вам нашу благодарность за все то, что сделано Вами за время Вашего пребывания в нашей гимназии, мы чувствуем, что Ваш отъезд будет для нас большой потерей. Преданная Вам гимназия на “Фраймане”».

Отец познакомился с епископом Автономной Украинской Церкви, владыкой Леонтием. Тот был принят в юрисдикцию РПЦЗ в мае 1944 года. Вся наша семья владыку полюбила.

«Владыка Леонтий (в миру Василий) родился 6 августа 1904 года в Киеве. С детства в нем жил особый интерес к храму Божиему. «Я не знал никаких игр со сверстниками. Если меня и водили в Николаевский и другие парки, мне было скучно и тоскливо на душе, а в храме себя чувствовал необыкновенно радостно и хорошо», – писал в дневнике владыка. По переезде семьи в Екатеринослав, по настоятельной просьбе Василия, родители отдали его в городское Духовное училище. Там выяснилось, что у него прекрасный голос, абсолютный слух и особенная музыкальная память. Юный Василий стал певчим архиерейского хора. В Екатеринославе Василий видел царя Николая II. Какая-то необыкновенная радость волновала мою душу в этот незабвенный день, – напишет владыка Леонтий много лет спустя. – Гроза с мрачной тучей лихолетья все ближе и ближе надвигалась на нашу некогда поистине благодатную, великую страну. Впервые смятение объяло мою детскую душу, когда я за воскресной литургией услышал, что вместо имени государя императора Николая II стали возносить имя великого князя Михаила Александровича, а потом стали поминать пресловутое Временное правительство. И с каждым днем все шло под откос на несчастье и гибель России».

В трех номерах «Православной жизни» за 1996 год (приложение к «Православной Руси») напечатано подробное «Жизнеописание архиепископа Леонтия Чилийского», автор – А. В. Псарев. Узнаем оттуда о трудном жизненном пути владыки... Отец ушел из семьи, мать осталась с четырьмя детьми. Старшему Василию было шестнадцать лет. Без средств в дни лихолетья беспросветного надо было отыскивать средства к существованию. После двух голодных и холодных лет Анна Николаевна скончалась. Отец взял детей к себе. Василий осуществил свою заветную мечту. «В те годы, когда избрать путь священства значило избрать путь мученичества, юный Василий пришел в Киево-Печерскую Лавру, – пишет А. В. Псарев. – Будучи юным, незаметным послушником, брат Василий исполнял ответственное послушание – доставлять заключенным средства к существованию, собранные большей частью благочестивыми женщинами. В то время такое служение в темницах сущим несли многие церковные люди». Сам владыка Леонтий писал: «Было время, когда я был посредником между добрыми людьми, оказывающими помощь, и заключенным духовенством, а когда я стал священником, и мне добрые люди везде и всегда оказывали такую же помощь – в тюрьме, на принудительных работах, в условиях подпольного существования». Так отвечал владыка на вопрос: как он уцелел в годы лихолетья».

Самое удивительное то, что, несмотря на свой поистине крестный путь, владыка Леонтий излучал радость. С ним было просто и легко. У меня хранится альбом, в который владыка написал свои наставления:

- «1) Всегда признавай себя духовным бедняком.
- 2) Плачь о том, что иссякла, пропала у многих любовь христианская.
- 3) Будь кротка и терпелива.
- 4) Жаждай праведности, исправления, святости.
- 5) Алчущего напитай, жаждущего напой, бедного отыщи.
- 6) Храни святость в речах и во всех поступках.
- 7) Храни мир в себе, в глубине души своей.
- 8) Не бойся гонения за правду: за веру и благочестие, за добрые дела».

Владыка Леонтий получил назначение в Южную Америку и пригласил ехать с собой отца. Сперва с группой владыки Леонтия мы направились на север Германии на грузовике. Помню, остановились в каком-то городе на ночь, и двухлетний сын о. Феодора, Владик, все время рвался на улицу. Его уговаривали: «Там темно, там волки». Он уверенно отвечал: «Волк занят, волк другие дети ест». Мне очень хотелось подарить ему мишку, так я и запомнила. Прочитав это, сестра поправила меня, напомнив, что на общем собрании группы было решено подарить его новорожденной дочери о. Иоанна Бауманиса.

Мы поселились в Шлезвиге, на квартире милой одинокой немки, неподалеку от старинного замка, окруженного парком. В 1946 году епископ Нафанаил, ведавший православными приходами в Северо-Западной Германии, назначил отца благочинным православных приходов в Шлезвиг-Голштинии и настоятелем церквей в Шлезвиге и Любеке. Но и здесь мы долго не задержались – учиться мне и сестре было негде. Перекочевали в Шлейсгайм под Мюнхеном, где была русская гимназия, в которой мы проучились до отъезда в США.

25 декабря 1946 года владыка Леонтий с иеродиаконем Вениамином и остальной своей группой прибыл в Буэнос-Айрес, а затем в Парагвай. И в Южной Америке его путь был нелегким. Ехать с ним нам не пришлось. В Южную Америку отец попал в 1990 году уже будучи епископом.

В 1946–1949 годах о. Иоанн Легкий был синодальным миссионером и наблюдал за преподаванием Закона Божия в русских школах Германии. Много разъезжал, посещал русских в тюрьмах, носил им мешки с сухарями (об этом не раз вспоминал писатель Анатолий Даров). С радостью бывал в Синоде, всегда трепетно говорил о Первоиерархе Русской Зарубежной Церкви, митрополите Анастасии. С о. Георгием Граббе (1902–1995) они с первых дней знакомства осознали себя единомышленниками. Отец всегда был монархистом, его идеалом была симфония Церкви и государства.

Мы поступили в гимназию. Шлейсгаймский лагерь был небольшим русским островом. С одной стороны дороги расположились русские, с другой – украинцы. Рядом – лес с заброшенным немецким аэродромом. В бараке нам отвели угол у окна с двухэтажными нарами. Мылись все, по очереди женщины и мужчины, в общей бане. Нам, детям, было весело и интересно. Учились, шалили на уроках, разгуливали по лагерьным дорожкам, много было друзей и подружек. Самой близкой моей подругой была Мария Щербина (отец – казак, мать – немка из Сербии). Мы с ней бродили по зарастающему лесом аэродрому, и, как я писала в дневнике, к счастью, потерянном, «сидели на заборе и философствовали». Ходили на концерты, слушали лекции, помню выступление философа Сергея Левицкого (позднее – профессора Джорджтаунского университета в Вашингтоне), выступления поэтов – Ивана Елагина, Ольги Анстей. Приезжал в Шлейсгайм в гости Коля Озеров. Он подарил мне «Фауста» Гёте на немецком языке. Эта книга сохранилась у меня до сих пор. Коля также подарил мне «Русскую литературу» И. Тхоржевского. Отец же обратился в редакцию «Нового Журнала» в Нью-Йорке с просьбой прислать нам номера журнала. Я очень обрадовалась, когда мы их получили, и с увлечением читала. Отец Александр Киселев как-то пригласил отца духовником в детский лагерь. Мы отправились туда всей семьей. Мою палатку возглавляла Людмила Чернова, тоже родом из Латвии,

но встретились мы с ней только в Германии, в послевоенные годы. Мама познакомилась там с немецким бауэром и его семьей, и потом мы с мамой несколько раз ездили к нему, меняли мамины рукоделия на продукты. Нужно было идти долго пешком с тяжелыми пакетами.

Мама в складчину со своей приятельницей выращивала в овраге на территории лагеря свинью. Перешивала для нас свои платья, много трудилась. Я с подружкой пыталась торговать селедкой, относила в комиссионный магазин купленные за гроши в Судетах бусы. Помню, что в помещении гимназии часто устраивались танцы, я танцевала, а сестра еще возрастом до танцев не доходила. Мои воспоминания о Шлейсгайме – туманные. А вот как его описывает моя близкая приятельница Вероника Гашурова, ныне – художница в Америке:

«Серенькие бараки тянутся в четыре ряда, пространства между ними носили даже названия улиц. Средняя, главная, – Гороховая (в честь ежедневного гороха, получаемого на обед в общей кухне); другие – Церковная и Казачья. Дворянский переулок вел к административному барaku. В лагере Шлейсхайм беженцы со всех концов Европы, русские и украинцы. Люди, уцелевшие после Второй мировой войны. Две церкви, библиотека, театр, гимназия, радиостанция, курсы, лекции, спортивный клуб заполняли жизнь обитателей. Маленькое государство в чужой немецкой стране. Это была Россия в миниатюре, причем дореволюционная Россия».

Мать Вероники, Тамара Алексеевна Левицкая, актриса Киевского русского драматического театра, ставила с молодежью много спектаклей; инсценировки из произведений Пушкина, Некрасова, Гончарова, Толстого, Гоголя. Для многих моих бывших соучеников и соучениц годы в Шлейсгайме остались самыми яркими в их жизни».

В марте 1949 года из США пришел вызов архиепископа Виталия, обещающий отцу место второго священника при Вознесенском кафедральном соборе в Бронксе. На поезд в Бремерхафен нас провожала молодежь, с которой отец занимался, они вручили ему трогательное благодарственное письмо. Мы тронулись в неизвестность. На военном американском корабле USAT «Gen. W.G. Naap» мы прибыли в Нью-Йорк 15 июля 1949 года. Во время путешествия мне исполнилось 17 лет.

Бронкс, Нью-Йорк

Мы плыли по житейскому морю из старой, разрушенной войной Европы в неизвестность Нового Света. Нью-Йорк встретил нас туманным днем, серой статуей Свободы и молодым священником, представлявшим Толстовский Фонд. Он привез нас на такси в квартиру милейшей семьи Марров (Махарадзе), они были в отъезде. Квартира была на 73 улице, неподалеку от Лексингтон-авеню. Больше всего нас поразила влажная июльская жара и изобилие бананов в продуктовых магазинах. Вскоре нашлась квартира в Бронксе, сперва на 172 улице, а затем в доме 1826 Bathgate Av., напротив Вознесенского кафедрального собора, где размещалось тогда управление Русской Православной Церкви Заграницей. После войны квартиры были нарасхват, нужно было покупать имеющуюся в квартире мебель, зато плата за квартиру была невысокой. В доме напротив проживали владыка Виталий (Максименко, 1872–1960), владыка Никон (Рклицкий, 1892–1976), их келейник и о. Сергей, настоятель собора. Отец был рад такому окружению, он был назначен на должность второго священника. Жалованья его на жизнь не хватало, пошла на работу я и даже мама (на швейную фабрику), сестра поступила в школу. Приход в Бронксе был основан карпатороссами, они отнеслись к нашей семье с большим вниманием. Помогали находить работу, рассказывали о местных обычаях, в частности, о том, что новоприезжих называют «гринерами» (greenhorns). Особенно мы подружились с семьей Нестюк (мать – Евдокия и дочери Вера и Анна). Они во всем шли нам навстречу, помогая осваиваться с американским бытом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.